

⁴ Стенографический отчет V Всероссийского съезда профессиональных союзов. М., 1922. С. 321.

⁵ Рабочий журнал. 1923. № 6. С. 33.

⁶ Обзор положения труда и профессиональных организаций на Урале. 1923. С. 32.

⁷ ЦДНИСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 237. Л. 2.

⁸ Там же. Д. 280. Л. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Там же. Ф. 114. Оп. 1. Д. 22. Л. 115.

¹² Уральский рабочий. 1926. 25 июня.

¹³ ЦДНИСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 297. Л. 51, Л. 52.

¹⁴ Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917 — 1929. М., 1992. С. 147.

¹⁵ Таблица составлена на основании данных ОГПУ (ЦДНИСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 352. Л. 24, 28).

Я. А. Шведова

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ СССР И ИТАЛИЕЙ И РЕАКЦИЯ
ЗАПАДНЫХ СОЮЗНИКОВ
(март — октябрь 1944 г.)**

Процесс завершения Второй мировой войны был достаточно длительным. Вся международная система вступила в переходную фазу. Основная ее цель заключалась в том, чтобы выйти из правового хаоса. Особенно сложным в этот период было возобновление отношений с государствами — бывшими союзниками и сателлитами Германии. Первыми документами, в которых разрабатывались нормы и условия с побежденными странами, были договоры о перемирии.

Каждая великая держава пыталась извлечь для себя максимальную выгоду в новой формировавшейся структуре международных отношений. Подчас велик был соблазн проигнорировать некоторые статьи договора и обернуть ситуацию в свою пользу. Но подобные действия влекли за собой негативную реакцию союзников. Поэтому государство оказывалось перед выбором: или нарушение международных норм права и возможная открытая конфронтация со своими партнерами, или ци-

визированный путь соблюдения всех установленных договоров, даже если это не соответствует внутригосударственным интересам.

В конце 1943 г., когда практически безошибочно можно было предугадать исход Второй мировой войны, будущие державы-победительницы начали разграничивать сферы своего влияния в мире. Несомненный интерес для трех держав — СССР, США и Великобритании — представлял Европейский регион. Государства в Европе рассматривались в качестве изживших себя, главным образом, из-за их коллапса перед лицом фашизма. Однако Европа оставалась наиболее оптимальным регионом для решения международных проблем. В связи с началом формирования нового баланса сил в мире, центрами которого становились, с одной стороны, США, а с другой — СССР, она явилась неизбежным местом столкновения их военно-политических интересов. Великобритания, как член большой тройки, так же вступила в эти противоречия, но на менее глобальном уровне. Ее планы в основном были сосредоточены на Средиземноморской части Европейского региона.

Т.о., Средиземноморье явилось «яблоком раздора» у союзников, чьи отношения особенно обострились 8 сентября 1943 г после выхода Италии из войны.

Военные мероприятия в Италии осуществлялись лишь англо-американскими союзниками, поэтому участие СССР в решении итальянской проблемы было практически ими проигнорировано. Соблюдая формальности, союзники включили СССР в Союзную Контрольную Комиссию (СКК) и в Консультативный Совет по Италии. Однако участие Советского Союза в СКК носило чисто символический характер, а Консультативный Совет не имел существенного влияния на ход событий и выполнял исключительно совещательные функции. Т.о., реально к решению итальянского вопроса СССР не допускали¹. Подобное положение дел не устраивало Советский Союз, его лидер И. Сталин настаивал на равной доле участия в решении судьбы Италии², в связи с чем советские представители на протяжении трех месяцев (октябрь — декабрь 1943 г.) пытались добиться для Консультативного Совета не только совещательных, но и исполнительных функций. Но это было не в интересах англо-американских союзников, поэтому они не допустили реализации предложений СССР. Именно тогда заместитель министра иностранных дел А. Вышинский решил покинуть Консультативный Совет, оставив вместо себя менее влиятельного А. Богомолова³. В результате у СССР не оставалось иного выхода, как нарушить статью 37 иностранных Условий перемирия с Италией⁴, и начать проводить

самостоятельную политику. Преимущество СССР перед союзниками заключалось в том, что русские не воевали против итальянцев и не бомбили их города, у Советского Союза не было оккупационной армии в Италии, а присутствие в СКК было чисто номинальным. Кроме того, в этот период внутривнутриполитическая ситуация в Италии не благоприятствовала союзникам. Две конкурирующие группы — сторонники Бадольо с одной стороны и оппозиционные партии с другой — шли к одной цели — уничтожению фашизма, но находились в постоянном несогласии друг с другом. Единственной силой, которая была бы способна их объединить, являлся Советский Союз, который имел большой авторитет у левых партий в Италии и, наладив контакт с правительством, мог бы повлиять на их вхождение в него.

Т.о., играя на контрастах с союзниками, СССР решил восстановить дипломатические отношения с Италией. Это был весьма продуманный шаг, ибо с установлением прямых дипломатических контактов СССР получал возможность влиять на итальянские дела. В МИДе СССР понимали, что подобные действия вызовут неоднозначную реакцию союзников, поэтому как можно дольше старались сохранить свои переговоры с Италией в тайне. Еще в ноябре 1943 г. А. Вышинский встретился с П. Бадольо и, выразив свои теплые симпатии к Италии, предложил восстановить дипломатические отношения. Однако вскоре после этой встречи он вынужден был вылететь в Москву⁵. П. Бадольо был почти уверен, что, покинув Италию, А. Вышинский забудет об этом разговоре, но оказался не прав⁶. Уже 30 января советский представитель в СКК генерал М. Солодовник напомнил главнокомандующему итальянскими вооруженными силами генералу Д. Кастеллано об этой беседе и намекнул на возможность ее продолжения в Москве⁷. Для итальянцев подобное предложение было весьма заманчивым, но, боясь вызвать гнев англо-американских союзников, они не решались пойти на такой шаг. Однако через своих представителей за рубежом, в частности, через итальянского посла Рокко в Анкаре, они постарались дать понять СССР, что «заинтересованы в восстановлении отношений, взаимопонимания и сотрудничества»⁸. 4 марта 1944 г. А. Богомолов, встретившись с П. Бадольо, еще раз напомнил о разговоре с А. Вышинским и спросил, готов ли маршал подписать обращение к СССР с просьбой восстановления дипломатических контактов?⁹ П. Бадольо выразил свое согласие, подчеркнув, что всегда подпишет то, о чем когда-то договаривался устно.

Однако, приняв такое ответственное решение, П. Бадольо не мог поставить в известность об этом СКК и попросил секретаря министерства иностранных дел Р. Прунаса передать о своей беседе с А. Богомоловым главе

СКК М. Макфарлану¹⁰. Подобные действия можно объяснить не столько порядочностью Бадольо как политика, сколько его попыткой удачно сыграть на противоречиях союзников. Генерал М. Макфарлан в высших политических кругах слыл «службой двух господ»: будучи британским ставленником, он тесно сотрудничал с США, за что снискал себе неуважение в Форин Офис¹¹. Поэтому, доведя до него подобную информацию, Бадольо мог не беспокоиться о ее распространении. Он понимал, что она произведет эффект «разорвавшейся бомбы»: в то время, как англо-американские союзники не могут прийти к согласию по вопросам будущего политического устройства Италии, а также не желают пересматривать условия перемирия, СССР сможет признать Италию равноправным партнером и тем самым окончательно спутает карты США и Великобритании. Кроме того, это могло бы подорвать основной принцип деятельности СКК. Т.о., предприняв подобные действия, итальянцы, с одной стороны, страховали себя от гнева союзников, а с другой — пытались оказать на них давление и, учитывая советский фактор, заставить пересмотреть политику, проводимую ими в Италии.

Р. Прунас в беседе с М. Макфарланом и главой политической секции СКК С. Ребером, состоявшейся 8 марта, договорился с США и Британией, что они не подадут вида СССР, что владеют информацией о переговорах Советского Союза с Италией. По его мнению, СССР сам в скором времени вынужден будет обратиться к союзникам и сообщит им об этом.

Это предположение основывалось на результатах предыдущей встречи А. Богомолова с П. Бадольо: советский представитель поинтересовался возможностью создания авиабазы в Южной Италии. На это Бадольо ответил, что не может решать подобные вопросы без санкции союзников, в результате чего А. Богомолову не оставалось иного выхода, как обратиться к Англии и США¹².

Выход СССР на контакт с США и Великобританией по итальянскому вопросу не заставил себя долго ждать. Уже 10 марта Гарольд Макмиллан получил телеграмму от русских с уведомлением о том, что СССР собирается назначить посла в Неаполь и принять итальянское представительство в Москве¹³. СССР обратился также с просьбой о возможности создания авиабазы в Бари¹⁴. Однако в неофициальных беседах с англо-американскими представителями А. Богомолов деликатно обходил эту тему.

Реакция британской стороны на действия СССР была весьма неоднозначна. С одной стороны, Черчилль был удивлен, что все переговоры между СССР и Италией были проведены без предварительной консультации с союзниками¹⁵. С другой стороны, этот шаг соответствовал британским интересам. Ведь установление контактов СССР с Италией обеспечило бы сохранение правительства Бадольо и монархии в Италии, что в конечном счете

позволило бы приобрести Великобритании сильное влияние в итальянских политических кругах. Слабая и консервативная Италия, в свою очередь, не была бы способна угрожать английским позициям на Средиземном море¹⁶. Свое отношение к последним событиям Форин Оффис выразил в письме в Москву следующего содержания: «Мы удовлетворены тем, что возобладали реалистические взгляды А.Я. Вышинского и советское правительство выразило свое желание продолжить сотрудничество с Бадольо и королем на любом уровне до взятия Рима. Однако на данной стадии мы бы возражали против установления прямых дипломатических отношений между советским и итальянским правительствами... До тех пор, пока не подписан мирный договор, нельзя напрямую обмениваться послами. Чарльз Ноэль является нашим представителем в Италии, но не имеет ранга посла. Очень странно, что Богомолов и советское правительство устроили все это, не сказав нам ни слова»¹⁷. Спустя несколько дней Черчилль написал Макмиллану: «Несмотря на то, что мы выразили протест по поводу действий русских, не надо забывать, какую выгоду это принесет нам в сохранении короля и Бадольо до взятия Рима»¹⁸.

США отреагировали более определенно. Иными словами, они были в бешенстве от того, что русские не проконсультировались с ними перед тем, как действовать. В марте 1944 г. американско-советские отношения стали приоритетным направлением во внешней политике США. Американцы пытались ответить на три вопроса: Почему русские предприняли этот шаг? Как это повлияет на будущие отношения США с Италией и как русские поведут себя в дальнейшем? Что этот шаг означает для Италии?¹⁹ Американский аналитик Селден Чапин пришел к выводу, что причиной такой ситуации являлось то, что русские не смогли реализоваться в СКК и Консультативном Совете и поэтому решили предпринять независимые действия²⁰. Однако это не оправдывало их, т.к. нарушались нормы международного права. Если правительство Италии действовало под надзором СКК, то невозможно было установить с ним прямые дипломатические контакты без санкции этого органа²¹.

Но, несмотря на паллиативное сопротивление Великобритании и открытый протест США, 13 марта 1944 г. советское правительство восстановило дипломатические отношения с Италией. Это событие нашло широкий отклик в международной прессе. В частности, португальский журнал «До комерчио» отметил: признание Москвой Бадольо демонстрирует, что Кремль не будет вмешиваться в итальянскую политику, поддерживая ту или иную партию, ибо он преследует одну цель — объединение всех сил, имеющих в Италии, для борьбы с Гитлером и Муссолини. Эти действия СССР повлияли на решение Великобритании поменять свою континенталь-

ную политику²². 10 марта 1944 г. радио Бари объявило о том, что СССР — первая страна, установившая дипломатические отношения с Италией²³. А швейцарская газета «Де Женева» заявила, что теперь Черчилль больше всего боится влияния Москвы²⁴.

Действительно, и Черчилль, и Рузвельт видели реальную угрозу их позициям в Италии из Кремля. В своем письме к президенту Черчилль отметил, что конечная цель СССР — это коммунистическая Италия, и ради ее достижения русские пойдут на союз и с королем, и с Бадольо²⁵. В этой ситуации западные союзники должны были пойти на определенные уступки Италии, дабы не потерять свой политический престиж. Фактически они оказались перед альтернативой: или установить прямые дипломатические отношения с итальянским правительством, или остаться на прежней позиции и продолжать осуществлять контроль в политических вопросах. 5 апреля 1944 г. они сообщили об установлении дипломатических отношений с Италией. Были назначены дипломатические представители в Италии в ранге послов, но без взаимности: от США — А. Кирк, от Великобритании — Н. Чарльз.

В связи с этим интересно отметить тот факт, что заявление об обмене представителями между правительством СССР и правительством Италии было сделано позже — 12 апреля. Обмен был взаимным: с советской стороны представителем при правительстве Италии был назначен М. Костылев, а с итальянской — П. Кварони²⁶. Однако советский представитель не имел ранга посла. Это свидетельствует о том, что дипломатические отношения с Италией были установлены *de facto*, о чем несколько дней спустя и заявил министр иностранных дел СССР В. Молотов. Так СССР избежал нарушения международных норм права, но и не дал возможности союзникам отстранить его от участия в итальянских делах²⁷. Признание со стороны СССР давало большие преимущества Италии: СССР мог объявить Италию союзником, а не совоюющей стороной, а также гарантировать ей восточные границы. СССР повлиял на объединение внутренних сил Италии. 29 марта 1944 г. лидер коммунистов Пальмиро Тольятти вернулся в Италию и на партийной конференции в Салерно заявил, что первоочередная задача — это поражение Германии. Чтобы ее выполнить, компартия будет сотрудничать с правительством Бадольо, а проблему монархии можно будет решить и после войны. Впоследствии это событие получило название «Салернский поворот» и было охарактеризовано соратниками Тольятти как предательство²⁸. «Салернский поворот» обеспечил рост советского влияния в Италии. Граф Сфорца предупредил американского представителя в Верховном главнокомандовании союзническими силами Р. Мэрфи, что

если шесть левых партий захватят контроль в правительстве, то это можно будет считать первым шагом к «дипломатической советизации Европы»²⁹.

Понимая, что союзники опасаются советской угрозы, итальянцы решили использовать это в своих целях. П. Бадольо повторил англо-американцам свою просьбу о пересмотре договора о перемирии и присвоении Италии статуса союзника. Р. Прунас встретился с Г. Макмилланом и сообщил, что Италия готова сыграть с русскими против западных союзников. Макмиллан не принял всерьез угрозы Р. Прунаса, т.к. чувствовал, что изначально последний настроен пробритански и прекрасно понимает, чего стоят «советские друзья». Географическое положение Италии требует искать дружбы именно с Великобританией, по крайней мере до тех пор, пока она остается ведущей державой в Средиземноморье³⁰. Однако это был весьма шаткий аргумент в пользу западных держав, поэтому 7 апреля Р. Мэрфи организовал встречу с Г. Макмилланом, Н. Чарльзом и М. Макфарланом, чтобы обсудить проблему роста советского влияния в Италии. Макфарлан высказал свои опасения по поводу идентичности ситуации в Италии 1944 г. ситуациям в России в 1917 г., а также в Баварии и Венгрии, когда в этих государствах установились коммунистические режимы. Рост численности и силы Коммунистической партии Италии (КПИ), а особенно ее активное участие в движении сопротивления на севере не могли не насторожить западных союзников, которые понимали, что СССР будет использовать этот фактор в своих целях. Советский Союз постарается добиться для лидеров коммунистов ключевых постов в королевском правительстве, а т.к. оно не имеет авторитета и очень ослаблено, то КПИ в скором времени захватит над ним контроль. СССР, в свою очередь, использует этот благоприятный момент и поможет итальянским коммунистам установить коммунистический режим³¹. В результате союзники пришли к выводу, что смещение Виктора-Эммануила было бы наилучшим способом возвращения дипломатической инициативы на Запад. Президент Рузвельт довел до сведения Р. Мэрфи, что американские итальянцы не любят монарха, и что продолжение его политической деятельности способствует росту влияния коммунистической партии³². После некоторых колебаний Виктор-Эммануил согласился отречься от престола в пользу принца Умберто, когда Рим будет взят. Однако это не решало основной проблемы.

21 апреля 1944 г. в Салерно было сформировано новое правительство П. Бадольо на широкой демократической основе. Своим успехом это правительство было обязано не умеренным партиям, которых

поддерживали американцы, не пробританским монархистам, а ставленнику СССР — КПИ³³. Шесть левых партий заняли лидирующую роль в правительстве. Прогнозы графа Сфорца оправдывались, что вызывало новые опасения у западных союзников. Это породило немало пессимизма в деловых кругах Италии. Так, газета «Нью-Йорк Джеральд Трибьюн» отмечала, что итальянские бизнесмены глубоко переживают уклон Италии в «красную сторону» и прогнозируют, что когда через пять лет союзники покинут Италию, произойдет гражданская война, в результате которой коммунисты захватят власть³⁴.

С одной стороны, англо-американцы понимали, что в данной ситуации надо пойти навстречу Бадольо, пересмотрев условия перемирия и изменив статус Италии. А с другой — и президент и премьер-министр считали, что еще не настало время кардинально менять свою политику. США не хотели признавать Италию союзником до тех пор, пока Бадольо и король находятся у власти, поскольку они боялись, что следствием этого будет роспуск СКК и саботаж условий перемирия.

4 июня Рим был освобожден, что повлекло за собой большие перемены в Италии: 5 июня король отрекся в пользу принца Умберто, а коалиционное правительство отказалось работать под руководством П. Бадольо. На этом посту его сменил лейбористский демократ И. Бономи³⁵. Смещение Бадольо вызвало бурную реакцию в британских политических кругах. В своем послании Сталину Черчилль отмечал, что «мы потеряли единственного компетентного человека, с которым мы имели дело, а также человека, который должен был служить нам лучше всех»³⁶. Т.о., ситуация выходила из под контроля Великобритании и могла причинить массу неудобств. Сталин также был не в восторге от ухода Бадольо и пообещал Черчиллю, что при соответствующих обстоятельствах поддержит смещение Бономи³⁷. Опасения Сталина, видимо, были связаны с тем, что в лице Бономи итальянское правительство приобретало более сильного и независимого лидера, который повел бы страну по пути западных демократий. При таких обстоятельствах влияние коммунистов переставало быть столь значительным.

Бonomи длительное время пребывал в Соединенных Штатах и, соответственно, был настроен проамерикански. Поэтому Рузвельт предотвратил возможное вмешательство Черчилля и Сталина в деятельность кабинета Бономи. Он заявил, что это явится «прямым нарушением объявленной союзниками политики предоставления народу права выбирать свое собственное правительство»³⁸.

В результате 15 июня 1944 г. правительство Бономи было официально признано союзниками. Новый лидер не замедлил обратиться к

союзникам с предложением начать обсуждение по изменению условий перемирия, а также по восстановлению равноправных дипломатических отношений³⁹.

Великобритания и США понимали, что в связи с политическими изменениями в Италии надо искать новые формы отношений, ослабить контроль над итальянским государством и пересмотреть акты о капитуляции от 3 и 29 сентября 1943 г. Несомненно, большое влияние на политику союзников оказывал советский фактор. СССР по-прежнему оставался единственной страной, установившей с Италией равноправные отношения. Популярность СССР особенно была велика на еще оккупированом немцами Севере, и западные союзники предвидели возможность установления коммунистического режима после того, как Север будет освобожден и пройдут всеобщие выборы. Необходимо было предпринимать шаги по пути демократизации отношений с Италией.

Поэтому когда 18 и 19 сентября 1944 г. Черчилль и Рузвельт встретились в Гайд парке для обсуждения послевоенной политики в Европе, вопросом первостепенной важности в этой дискуссии стало устройство Италии. Два лидера заявили, что очень ценят вклад Италии в борьбу с Германией и что Италия по праву должна занять равное место среди стран европейской цивилизации⁴⁰. Решения, принятые на этой встрече, нашли отражение в соглашении, которое было подписано между Италией, Великобританией, США и СССР 26 сентября 1944 г. В соответствии с ним Италия присоединилась к Атлантической хартии и Декларации Объединенных Наций, подписанной 1 января 1942 г. в Вашингтоне. Согласно статье 2 этого соглашения, итальянские наземные, морские и воздушные силы стали осуществлять сотрудничество с союзниками на основе специальной военной конвенции, а не акта о капитуляции, как это было прежде. Итальянским вооруженным силам было разрешено без ограничения участвовать в войне против Германии. Итальянское правительство устанавливало свою администрацию на освобожденных территориях. Использование аэродромов, портов, средств коммуникаций на итальянской территории передавалось в руки итальянских властей⁴¹. После вступления в силу данного соглашения полностью восстанавливались дипломатические отношения Италии с правительствами Великобритании, СССР, США и возобновлялся обмен послами. Консультативный совет по Италии переименовывался в Средиземноморский комитет представителей, в котором Италии отводилось равноправное положение. Союзная контрольная комиссия переименовывалась просто в Союзную комиссию. Настоящее соглашение должно было действовать до завершения войны с Германией. После этого с Италией под-

писывался мирный договор⁴². Это соглашение выводило итало-союзнические отношения на новый уровень. Западные союзники начали постепенно интегрировать Италию в свои структуры. Этим они пытались предотвратить возможность перехвата СССР инициативы в Италии.

Выполнение условий соглашения началось с установления полных дипломатических отношений с Италией. В этом вопросе США и СССР вышли на один уровень. Американцы считали назначение своего посла в Италию и прием итальянского закономерным результатом англо-американской декларации и частью процесса политической реабилитации Италии. Послом Италии в США был назначен граф Карло Сфорца⁴³. Правительство СССР также решило установить полные дипломатические отношения с Италией, о чем было сделано заявление итальянскому правительству 25 октября 1944 г.⁴⁴ Британское же правительство сочло невозможным пойти на такой шаг, т.к. формально Италия еще находилась в состоянии войны с Великобританией, и английский король не мог ни назначить посла в Италию, ни принять посла из Италии. Поэтому для установления прямых отношений было решено присвоить ранг посла британскому представителю, но без аккредитации его королем. А представитель с итальянской стороны принимался Великобританией в ранге представителя Италии при правительстве Великобритании⁴⁵.

Установление непосредственных отношений с СССР явилось первой внешнеполитической акцией, которую Италия реализовала на основе действительного равенства и которая способствовала оздоровлению политической обстановки в стране. Именно весной 1944 г. у СССР были все шансы оттянуть инициативу в итальянской политике на себя. Однако правительство СССР не реализовало их в полной мере. Это можно объяснить прежде всего тем, что именно весной 1944 г., накануне операции «Оверлорд», СССР не мог испортить отношения с союзниками. А после прихода к власти кабинета Бономи в июне 1944 г. большое влияние в Италии начинают приобретать США, как ее потенциальный финансовый донор. Кроме того, демократические силы вступают в конфронтацию с коммунистическими. Авторитет СССР по-прежнему сохраняется, но влияние теряет силу. С изменением политики западных союзников по отношению к Италии Советский Союз перестает быть для нее единственным государством, способным изменить ее политический статус. После установления полных дипломатических отношений Италии с западными союзниками в октябре 1944 г. реальными претендентами на лидирующую роль в этом государстве остаются США

и СССР. Однако, не смотря на сильное давление Советского Союза, Италия выбирает судьбу западной демократии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Moshe G. Britain and Italy. 1943 — 1949. The Decline of British Influence. Brighton, 1996. P. 60.
- ² Survey of International Affairs. 1939 — 1946// America, Britain & Russia, Their cooperation & conflict 1941 — 1946. L., N.-Y., Toronto, 1953. P. 308.
- ³ Miller J. E. The United States & Italy. 1940 — 1950 The University of North Carolina Press, 1986. P. 88.
- ⁴ DDI. 10 Ser. 1943 — 1948, Roma, 1992. Vol. I. Doc. 20. P. 25.
- ⁵ Kogan N. Italy and the Allies. Cambridge, 1956. P. 58.
- ⁶ Badoglio P. Italy in the Second World War: Memories and Documents. L., N. Y., Toronto, 1948. P. 128.
- ⁷ DDI. 10 ser., Vol. I. Doc. 130. P. 166.
- ⁸ Ibid. Doc. 148. P. 185.
- ⁹ Ibid. Doc. 152. P. 188.
- ¹⁰ Badoglio P. Italy... P. 128.
- ¹¹ PREM. 3/243/8. Note given to Mr. McMillan by the Foreign Secretary, 7 March 1944.
- ¹² Ibid. From Freedom to Air Ministry. IZ 2525; 62458, 9 March 1944.
- ¹³ McMillan H. War Diaries. Politics & war in the Mediterranean. January 1943 — May 1945. L. MC. 1984. P. 383.
- ¹⁴ PREM. 3/243/8. Foreign Secretary general Ismay for C. O. S. Committee M255/4 10 March 1944.
- ¹⁵ PREM. 3/243/8. From Churchill to F. O. 11 March 1944.
- ¹⁶ Серова О.В. Италия и Антигитлеровская коалиция. 1943 — 1945. М., 1973. С. 160.
- ¹⁷ PREM. 3/243/8. From F. O. To Moscow № 691. 12 March 1944.
- ¹⁸ Ibid. P. M. To McMillan № 432. 17 March 1944.
- ¹⁹ Kolko G. The Politics of War. Allied Diplomacy and the World Crisis of 1943 — 1945. L., 1969. P. 51.
- ²⁰ Kolko G. Ibid. P. 51.
- ²¹ PREM. F. O. 371/43830, Halifax to F.O. 16 March 1944.
- ²² Review of the Foreign Press. 1939 — 1945. Series B. Vol. VI. European Neutrals. № 231.
- ²³ Review of the Foreign Press. 1939 — 1945. Series A. Vol. IX. Enemy Countries. № 187.
- ²⁴ Review of the Foreign Press. 1939 — 1945. Series B. № 242.
- ²⁵ PREM. 3/243/8. P. M. To Roosevelt. № 618. 13 March 1944.
- ²⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Док. и мат-лы. 1 января — 31 декабря 1944 г. М., 1946. Т. 2. С. 106.
- ²⁷ Ellwood D.W. Italy 1943 — 1945. Leicester University Press. 1985. P. 84.
- ²⁸ Moshe G. Ibid. P. 64.
- ²⁹ Miller J. E. Ibid. P. 94.

³⁰ *McMillan H.* Ibid. P. 406.

³¹ *Miller J. E.* Ibid. P. 90.

³² *Miller J. E.* Ibid. P. 95.

³³ *Moshe G.* Ibid. P. 72.

³⁴ *Ellwood D.W.* Ibid. P. 110.

³⁵ *Survey of International Affairs. 1939 — 1946. The Realignment of Europe.* L.; N.-Y.; Toronto, 1955. P. 426.

³⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. М., 1976. Т. I. № 278. С. 270.

³⁷ Там же. № 279, С. 271.

³⁸ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М., 1995. № 562. С. 604.

³⁹ DDI. 10 ser. Vol. I. Doc. 262. P. 330.

⁴⁰ Ibid. Doc. 439. P. 527.

⁴¹ Ibid. Doc. 430. P. 517 — 519.

⁴² Ibid. Doc. 430. P. 520 — 521.

⁴³ Ibid. Doc. 548. P. 627.

⁴⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 280.

⁴⁵ DDI. 10 ser. Vol. I. Doc. 466. P. 551.